

© *Леонард И. Браев*

Наш путь к коммунизму *

Доклад на региональной конференции
Демократической партии России (ДПР)
Мари-Эл, Таир. 26-27 мая 2002 года¹.

Смысл современной истории

Весь страшный 20-й век корчился в смертельной схватке либерализма и тоталитаризма, а наступивший новый век дополнился ещё и враждой либерализма с радикальным религиозным фундаментализмом – исламским, христианским, буддистским – столь же яростно диктаторским по духу. Откуда эти современные антиподы?

Что произошло в России в октябре 1917 года?

Если революция, то где приносимая революциями свобода и производственная эффективность? Почему тогда не победила демократия?

Если контрреволюция, то где же торжество старых господствующих классов?

Или угнетенные тоже могут быть реакционными?

Какой установился строй? Социализм? Но почему же собственность на средства производства и власть реально оказались не у трудящихся, а у чиновников?

А что случилось в итоге? В чём причина распада тоталитарных диктатур?

Что ждёт человечество впереди?

Такие недоумения не перестают терзать умы.

Смысл истории последних веков – это драма и фарс столкновения двух общественных формаций (укладов, строев, “обществ”), типов продуктивных отношений между людьми, – традиционной распределительной и наступающей торговой.

* Подробнее см. в книге: *Ибраев Л.И.* Необходимость и свобода. **Начала нецелостной социологии.** Изд. "Стезя", 1993 - 559 с.; "Салика", 2013, изд. 2-е, - 652 с.
ISBN 978-5-906541-01-7

¹ Internet: <http://dprmari.net>

Распределительные формации

Распределительные формации – всех разновидностей и смешанных:

как *фициальная* с централизованной государственной раздачей землевладения наместникам и другим служилым, как было в древних деспотиях Египта, Вавилонии, Китая, Инкии, Индии,

так и *феодалная* – уже с наследственным владением и – соответственно – государственной раздробленностью,

– обе обуславливаются замкнутым натуральным (автаркным) хозяйством крестьян и ремесленников и построены на распределении произведённых благ, оттого зависимости пользователей от *благодателя*. Первоначально рода – общины, потом идеологической и военной бюрократии – с привилегиями для одних и дискриминацией других, на отношениях господства и послушания, иерархии чинов, рангов, титулов, сословий и каст.

Распределительные продуктные отношения формируют у людей сообразный себе духовный склад – *патернализм*.

Автаркия хозяйств приводит к *разобщённости патерналистов*, а она – к бессилию одиночек перед властью. Слыша вопли соседа, избиваемого за недоимки или непочтительность, каждый трясётся от страха в своём углу и ждёт своей очереди, но не осмелится сопротивляться.

Духовно определяющим оказывается надежда на защиту и опеку сильной руки – покровителя. Покорность и верность – здесь основные доблести. Складывается убеждение во вседозволенности власти, даже харизма кумира, униженная почтительность и смирение лукавого льстеца перед своим начальником, но куражливый произвол над своими подчинёнными: в своей вотчине, в своём доме. Деспотизм и роскошь здесь восхищает, вызывает восторг и даже гордость своим холопством у такого всемогущего и великолепного хозяина. А претензия на равенство с господином воспринимается святотатством и хамством: каждый сверчок, знай свой шесток. Зато не вызывает сомнения уравниловка с ровней; тут вспыхивает ревность и зависть, даже ненависть к выскочке: Да как он смел? Да чем он лучше меня?

Опыт бессилия приучает к долготерпению и идеалам несчастных: почитается не гордый героизм, а сострадание, рука помощи, добродушие и покорность, – каков добрый Иванушка-Дурачок, Жак-Простак или толстовский милый Платон Каратаев.

Отнятие у трудящихся плодов их труда, подавление новаций единомыслием, канонами и запретами убеждает людей в опасности инициативы и бесполезности усердия и накопления, приучает к расточительности – щедрости и беспечности, медлительности и унижительному выпрашиванию милости..

Как обычно, подавленность инициативы компенсируется праздной мечтательностью, просто для услаждения себя приятными волшебными удачами – сказками, без мысли о переходе к делу; пусть они сбудутся как-нибудь сами собой, чудесно, авось да небось, по щучьему велению.

Отсюда же проистекает общая надежда на **чудо** и поклонение колдунам, святым, жрецам и идолам.

Власти патерналы боятся и сторонятся, а в пору катастрофы от власти *ждут чуда*: то рая на земле, то чудесного мессии, то чудесной демократии, то чудесного коммунизма, то чудесного капитализма. Перед харизматическим лидером впадают в эйфорию восторгов, а когда чудо не сбудется, разочарованные возмущаются, что их обманули, ищут тайных врагов, недавнего кумира низвергают и топчут, после чего переносят надежды на нового кумира, но только не на себя. Верить в себя, в свой ум и силу не приходит в голову.

Хозяйственно-разобщённые, смиренные, лично зависимые селяне и мещане просто не могут быть основой демократии. Их интересы не вылетают за границы их усадьбы и поля. Свой дом и поле – вот их сладкая свобода, бытовая, реальная и полная, где никто им не указ, или "дикая воля", бегство от власти в "пустыню", в степь или в леса, жизнь вольных хлебопашцев и казаков. А участие в делах государства им скучно и недосуг: пусть кто угодно другой, только не я.

Веками и тысячелетиями угнетения патерналы отучены от навыков **самоорганизации**, – одного из главных источников силы людей еще в родовой и племенной демократии, и потому хотят не демократии – власти над властью, а избавления от власти, анархии. По своему менталитету они дополитичны, не граждане, а подданные. От государства им нужно одно: пусть оно забирает свою долю и оставит нас в покое, да защитит от разбоя, отечественного и иноземного, для чего оно должно быть сильным, способным "держать порядок". А власть, обособленная от подданных, но твёрдая, – это как раз и есть **монархия**. Таким образом, диктатура и является патернальным "народовластием".

Вот почему либеральные мечты просветителей, декабристов или кадетов и эсеров о республике в патриархально-крестьянской стране были опасной утопией, кончающейся неизбежным перерождением в

диктатуру. Демократия становится возможной и нужной только для частных собственников и зарплатников в условиях рыночного общества.

Торговые формации

Развитие промыслов и промышленности с разделением в них производства на отдельные отрасли и предприятия делает необходимым обмен продукцией между ними, – *торговую* формацию.

Конкуренция, взаимность пользы и заменяемость рыночных контрагентов дают человеку *независимость* от конкретного лица и тем самым ведут к распаду сословий, рангов, регламентаций и привилегий, – освобождению личностей, их юридическому равенству, но экономически связывают их в гражданское общество.

Прежние патернальные идеалы повышения своего места в иерархии соподчинения теперь заменяет культ *индивида*, сделавшего сам себя (selfmademan), с воспитанными торговым бытием идеалами трудолюбия, предприимчивости и личного успеха и его признанного мерила – богатства. Индивид как материально, так и духовно независим от санкций и мнений других – и отличается раскованными манерами и презрением к притворству – и со своей стороны вынужден быть *терпимым* к чужому инакомыслию и причудам. Так он становится *личностью*, внутренне одинокой, но привыкшей жить в общественных организациях: школах, предприятиях, учреждениях, больницах и т.д.

В идеал справедливости возносятся расчётливость и бережливость, всеобщее *равенство* – эквивалентность и обоюдная выгода обмена: ты - мне, я - тебе. Однако оборотной стороной тотальной продажности, осуждения лени и неповоротливости, делается эгоистическая чёрствость и презрение к неудачникам: сами виноваты – и Бог их не любит.

Между тем промышленное и общественное бытие воспитывает ум критический, методичный и точный – менталитет *науки* и *материализма*; религию теснит светская идеология.

Патернальная централизованная иерархическая организация теряет свои распределительные продуктивные скрепы и рассыпается; её сменяет общественное *самоуправление* – *демократия* – государство лично свободных людей и их самоорганизаций, гражданское общество.

Страшных и харизматических владык патерналов сменяют расчётливо выбираемые управленцы, которые отделены от законодательства и идеологии и подчинены верховенству закона и суда.

Коллизии трансформации

Однако превращения формаций не мгновенны и не благостны.

Смысл современной эпохи – это вот уже семь столетий тянувшийся переход традиционного распределительного общества в товарное, сперва капиталистическое, разложение и вытеснение рынком, техникой и наукой натуральных хозяйств, общин, сословий, старых страт с превращением крестьян, ремесленников и помещиков в *предпринимателей* и в наёмных работников – *сalarиев*.

И трансформация общества – вовсе не идиллия, а мучительные корчи утрат привычного старого и непривычности и непонятности нового, призываемых и прокливаемых реформ, кровавых революций и контрреволюций.

Эта переломная пора рождает *из патерналов* переломных людей, которые потеряли вдруг свое бывшее общественное положение, средства и связи, а их старые функциональные знания и идеалы – нормы оказались ненужными, но еще не обрели новых, – оттого повисли в общественной пустоте, асоциальные, чуждые новому укладу и его культуре. Короче, это люди пограничные, – **маргиналы**, хотя за счёт бывшего состояния некоторые из них материально могут быть и вполне благополучными.

Наиболее бедствующие из них, неприспособленные и неустроенные, падают в **люмпены**, несчастные, униженные и озлобленные, часто пьяницы и хулиганы. Люмпенами могут быть как неквалифицированные рабочие, "люмпен-пролетарии", так и недоучки или люди устаревшей учёности, "люмпен-интеллигенты". А вовсе лишённые легитимных средств существования опускаются в **пауперы**: нищие, бродяги, воры, грабители, аферисты и т. д.

Особенно массовая "пролетаризация", выброс деклассированных из разорённых машинной конкуренцией крестьян и ремесленников, происходит в пору индустриализации, как было на рубеже 18 -19 -го веков на Рейне и в Англии, а на рубеже 19-20 веков – в России.

Толпы несчастных осаждали ворота фабрик и заводов, моля о работе. Переизбыток неквалифицированных рабочих обусловил ужас их сверхэксплуатации на истощение: Работа по 10-12 часов, нищенская оплата, недоедание, удушливо тесные жилища, худые серые лица, переутомление, озлобление, матерщина и пьянство; а те хозяева, чьё сердце запрещало такое жестокосердие, разорялись конкуренцией с дешёвыми товарами твердокаменных.

Происхождение и крах диктаторского коммунизма

Отверженные и лишние на пиру жизни маргиналы, прежде всего люмпены – горькие изгои, страдающие от униженности, одиночества, непонятности и чёрствости окружающего, не могли не проникнуться *антибуржуазностью*, – враждебностью к миру проклятой торговли, частной собственности, корысти, расчётливости и "умников" - интеллигентов.

Утрата своего знакомого мира соседского радушия, взаимной со-страдательности и помощи, веры в Бога и все святыни не могла не питать их патернальный консерватизм, мечты о возврате в милое прошлое, без этих торгашей, зато с общинным коллективизмом и всеобщей регламентацией – "порядком".

Возмущение контрастом бедности и роскоши, бесконечное отчаяние погибающих в сверхэксплуатации и в ещё более мрачные циклические экономические кризисы с их безработицей не могли не зажигать их жаждой яростного восстания против буржуазного мира и установления беспощадной "диктатуры пролетариата".

Сознание своей неполноценности и внутренняя неуверенность, как обычно бывает, восполняется в них наружным хамством и нетерпимостью к дискуссии, где, предчувствуя свой провал, они подменяют аргументы бранью, угрозами и насилием.

Коммунизм бабувистов, бланкистов, марксистов, ленинцев, маоистов, так же как и религиозный фундаментализм – это маргинально-патернальная реакция на капитализм, обострённая его первоначальной дикой стадией, клопочущие проекты его разрушения и возврата общины. В этой доктрине воплотилась их выстраданная правда: и возмущение, и тоска о покровительстве, и ретроградство мечтательного прожектерства, и мессианство, и хилиазм, и деспотизм.

Эта реакционность диктаторского коммунизма скоро раскрылась в практике его осуществления.

Вместо обещанного счастья триумф коммунизма в 20 веке обернулся народной трагедией. В гражданской войне и массовом терроре погибли десятки миллионов жизней. И ради чего? Всего лишь ради воцарения *диктатуры бюрократии* с её казарменной идеологической монополией, тотальной слежкой тайной полиции, чиновничьим произволом и ханжески скрываемой роскошью "номенклатуры", её закрытых распределителей и санаториев, персональных автомобилей, самолётов, дач – и с фантастической бесхозяйственностью и хищениями.

И никакая официозная показуха и замалчивание хозяйственных провалов, бракодельства и простоя заводов не могли скрыть неэффек-

тивности коммунистического производства и нарастающего экономического отставания от других стран. Советский Союз выпускал в 2,2 раза больше стали, чем США, а машин и станков из неё делал в 2 раза меньше; тракторов выпускал в 6,4 раза больше, чем США, а на полях их работало в 2,4 раза меньше; остальные громоздились на окраине горами ржавого лома. Сельское хозяйство потребляло электроэнергии в 3,5 раза больше американского, минеральных удобрений в 2 раза больше, а зерна собирало в 1,5 раза меньше, из которого ещё треть пропадало в отходах. Урожайность зерновых была ниже, чем в Турции или в Пакистане.

Даже в царской России, несмотря на всё её торможение феодальным землевладением и чиновничеством, за 1890-1914 гг. промышленность выросла в 4 раза и было построено более 90 % современной сети железных дорог. Темпы её экономического роста были тогда самыми высокими в мире – и тогдашние экономисты предсказывали, что к середине 20 века Россия станет самой богатой страной в мире. Уже к 1913 году по душевому потреблению она была на 5 или 7 месте в мире (а без Средней Азии – на 3 или 5 месте), но в 1985 году оказалась где-то на 50 месте.

Люмпенско-патернальная диктатура вела к растлению застращённого народа вынужденным массовым лицемерием "одобрямс", бесстыдным подхалимством, тайными доносами и жестокостью. Самые трудолюбивые и зажиточные крестьяне были уничтожены высылкой, концлагерями и расстрелами, а остальные превращены в люмпен-пролетариев, бесправных колхозно-совхозных батраков, приневоленных работать по сути бесплатно, приучены халтурить и жить мелким воровством с колхозных полей и ферм, утративших радость свободного труда и самоуважение, спивающихся и разбегающихся.

Угнетение всякой инициативы, экономической, технической, научной, художественной, вечный товарный дефицит и очереди, невозможность для мужчин обеспечить семью, их низкий статус в ней убивали в людях смысл жизни, толкали многие миллионы на озлобление, мат, алкоголизм и драки. Свыше шести миллионов бездомных и около 30 миллионов рецидивистов – таков был масштаб люмпинизации, чуть не трети рабочих.

Мир был поражён сходством коммунистических режимов с их, казалось бы, антиподом – фашизмом и нацизмом: те же антикапиталистические лозунги и воодушевление идеей социализма, только не интернационального, а национального, презрение к "продажной буржуазной демократии", "социалистические рабочие партии", всевластие государ-

ства, упование на силу и террор гестапо, массовые доносы, аресты, пытки, концлагеря, принудительная идеология, культ вождя – дуче или фюрера, квазипарламент, лживая пропаганда, государственный контроль над частной собственностью и массовые спектакли верноподданничества: митинги, демонстрации, собрания, напыщенные речи и парады.

В чём же причина этого превращения мечты о земном рае в ад?

Причина – в том, что коммунистические перевороты 1917 г. в России, 1949 г. в Китае и другие, так же как фашистские перевороты 1922 г. в Италии и 1933 г. в Германии, – это вовсе никакие не "революции", какими они себя величали, а антикапиталистические маргинальные бюрократические контрреволюции, ведущие к **реставрации фициализма** древних деспотий: та же государственная собственность на землю и производство, такая же всевластная бюрократия во главе с идеологами и с обожествленным диктатором, закрепощённость людей пропиской, трудовыми книжками и беспаспортностью колхозников, труд миллионов рабов - зэков Гулага, регламентация всей жизни официальными обрядами, принудительными организациями, собраниями, обязательной идеологией.

Но, разумеется, этот фициализм внешне был *модернизирован* с поправкой на современные условия: использование достижений техники и вооружения, антибуржуазность, которой не могло быть в древности, и прикрытие спектаклями псевдодемократии и псевдопартии, а по существу – государственной организации.

Разумеется, ни активисты, ни вожди этих **неофициалий** не ведали, что творили, не понимали действительного исторического смысла своих дел, а по обыкновению “хотели, как лучше”. Но все их посулы и лозунги волшебным образом оборачивались в противоположность: власть Советов – в маскарад для чиновной партократии, земля – не крестьянам, заводы – не рабочим, а всё – чиновникам. Обещанная свобода превращалась в деспотизм, равенство – в привилегии, изобилие – в хроническую бедность, братство – в поиск врагов и концлагеря, "мир народам" – в гражданские и мировые войны.

А сущность строя – диктатура фициальной бюрократии – стала ее величайшей государственной тайной, а тотальная ложь – государственной политикой.

Впрочем, подобные перерождения в истории не новость. Победные люмпенско-патернальные восстания, не раз случались. Таким было в 3 в. до н.э. крестьянское восстание во главе с пастухом Лю Баном в Китае, в 8 в. – восстание дехкан и кочевников в Иране, в 10 в. – в Тунисе, в 14 в. – сербедаров в Хоросане и "красных повязок" Джу Юань-

Чжана – в Китае, в 15 в. – сеидов в Хузистане, в 16 в. – анабаптистов Мюнстерской коммуны в Германии. И все они кончались одинаково: первоначальная уравниловка скоро сменялась привилегиями для лучших и превращением в заурядную деспотию, а вождей – в родоначальников новых монархических династий. И такое перерождение было неизбежно: когда есть прибавочный продукт, всегда найдутся охотники загрести его под себя, – и первобытное коммунистическое равенство становится утопией.

Современный террористический «исламизм» есть тоже маргинально-патернальная реакция на капитализм. Как и коммунистическая идеология, он тоже отвергает проклятое современное общество и идеализирует свое общинное прошлое, но в иной региональной версии, религиозной – мусульманской.

Если в очаровании европейского культа исторического прогресса марксистский коммунизм переносит прошлое в будущее, то исламизм открыто зовет к возврату в милое ему прошлое. Но их идеалы и ненависти аналогичны, также как их героический энтузиазм, устрашающая жестокость, коварство и диктаторство.

Но так же вся его энергия увянет и он рассыпется, как в России опустел и рассыпался коммунистический идеал, едва народ миновал свой трагический переход к городской индустрии и культуре.

В панике 1917 года германский империализм близоручко решился использовать ленинизм в своей геополитической войне, не думая, что ленинизм со своей стороны тоже использует его – и, не избежав поражения в 1919 году, получил полную расплату в 1945. Так ныне американский империализм использует исламизм в своих геополитических играх, не думая, что тот в своих целях использует его, – и эти недалёкие стратеги уже начинают так же страшно расплачиваться.

Похоже, они надеются и дальше благополучно сохранять нынешнюю стократную разность в международном уровне благосостояния? Хотя уже в растерянности, где для «золотого миллиарда» спасение от цунами иммигрантов, а внутри них – от вражды ожесточенных исламистских джихадистов?

Очевидно, единственное спасение опередивших счастливых – помочь отставшим народам быстрее преодолеть эту трудную начальную стадию индустриального и культурного перехода.

Но вместо того недалёкие эгоистические геостратеги устраивают «цветные революции», чтобы разваливать режимы, пусть не демократические, но держащие в регионе стабильность – условие его эконо-

мического и культурного подъема. По древнему наблюдению, кого боги хотят погубить, того лишают разума.

Конечно, и под тоталитарным коммунистическим гнетом люди не только страдали, но и работали, учились, влюблялись, растили детей, совершали открытия и изобретения, боролись часто самоотверженно с бюрократическими препонами, – и сквозь коммунистическую диктатуру пробивался прогресс общества: свершилась индустриализация, пусть невероятно расточительная, жестокая и неэффективная, строились города, была защищена родина, пусть страшной кровью, впятеро превысившей потери врага, множились современные профессии, росла общая культура населения, а с ней – его недовольство бюрократическими оковами, смутное сознание социального неблагополучия и недоступность треску официальной пропаганды.

Запрет множества профессий для беспартийных обернулся наплывом в коммунистическую партию просто специалистов; нарастало обуржуазивание самой "номенклатуры", которая служению коммунистической правде всё больше предпочитала погоню за чинами, квартирами, автомобилями, дачами, загранпоездками. Итогом такого внутреннего преобразования общества не мог не стать крах диктатуры. И с 1992 года "номенклатурная" коммунистическая бюрократия первой ринулась в прихватывание государственной собственности.

Современная Россия – тоже трансформационное многоукладное и многоменталитетное общество – из трёх основных страт, как полос на её флаге: ностальгической маргинально-патернальной – красной; воодушевлённой надеждами на демократию и рынок – белой и терзающейся между ними – синей.

Семь десятилетий чудовищных жертв, лишений и пропавшего труда дискредитировали коммунистические идеалы.

Уже к 1990 году две трети населения в них не верили, отмахиваясь: это никакая не наука, а **миф**, красивая несбыточная сказка для великовозрастных детей, байка о лучезарном будущем, используемая для отвлечения от трудностей настоящего, одурачивания и поддержания долготерпения простодушных.

Но если бы дело было так просто.

Реалии коммунистического идеала

Коммунистический идеал утопичен в его надеждах на насильственное осчастливение в возрождении древней общины, но он сурово реалистичен **в критике** мучительных общественных коллизий, которые его и порождают и поэтому так или иначе должны быть людьми

разрешены. И в этом своём *критическом* содержании коммунизм обречён на *осуществление*.

В такой выстраданности коммунистического идеала таится объяснение, почему он даёт несчастным могучее воодушевление верой в конечное всечеловеческое братство и высокое чувство породнённости с человечеством, почему потеря этого образа всемирного счастья погружает их в пустоту тёмного потока буден, человеконенавистничества, религиозных грёз или текущих улучшений.

Впрочем, ни апостолы, ни комментаторы коммунизма так и не смогли сказать о нём ничего определённого. Из тумана канцелярской жвачки и стандартных цитат проглядывает одно: изобилие благ, дворцы, технический кнопочный рай и можно не работать.

Знаменитая формула Маркса - Энгельса "каждый по способностям, каждому – по потребностям", – аксиологически совершенно бессмысленна, даже нелепа, ибо труд по способностям и потребление по потребностям существуют давным-давно. Каждый, даже раб работает, как может, а получает, сколько требуется, чтобы он не умер и сохранил работоспособность. "Бесплатный труд" "по способностям" – это участь любого невольника. Распределение, как решит начальство, по карточкам или лагерной пайке, кому 300 грамм чёрного хлеба с картошкой – такие у него потребности, а кому – телятина, осетрина, фрукты, – у него потребности выше, – такой коммунизм мы проходили.

Марксова формула не менее подходит в качестве основного принципа даже капитализма. Здесь каждый работник или бизнесмен старается изо всех сил, на какие только способен, а потребляет по потребностям, как общественно необходимо для поддержания его функционирования. Ведь зарплата назначается вовсе не по труду, разные виды которого: слесаря, учителя, художника, – просто несоизмеримы, а только в *понукающей* зависимости от труда, но по функциональным потребностям работников.

А вне этих мудрствований под коммунизмом подразумевается просто упразднение *торговли*, её инструмента – *денег* и, в частности, отмена увязки потребления с трудом и прочими заслугами: **бесплатный** добровольный труд и **бесплатное** самовольное потребления, обеспеченное изобилием благ.

В такой открытой простоте эти принципы вызывают скепсис.

Возможно ли такое?

Отменить торговлю и деньги – тысячелетия от Платона и катаров до Маркса и Ленина бродит этот коммунистический призрак по миру.

А может быть, и в самом деле, торговля – преходящий этап в развитии человечества?

Однако как без торговли осуществлять **обмен** между разными отраслями и предприятиями? Чем и как **соизмерять** и **контролировать** их затраты и производительность? оценивать убыточность или выгодность технологии? определять производственный прогресс? регулировать производство и потребление?

Или работать вслепую, без счёта, расточительно – по произволу и надсмотру бюрократии, по взятым ею с потолка планам и нормам, как семьдесят лет силились добиться совершенства современные коммунисты, но лишь убили в людях и заинтересованность, и материальную ответственность.

Откуда при такой бессчетности возьмется изобилие?

Собственность есть общественное признание (“право”) допуска к пользованию имуществом (“владение”) и передачи его другим (“распоряжение”). Без собственника – хозяина нет заинтересованного контроля, оценки и управления ни в производстве, ни в торговле.

Торговля заключается в смене собственника благ, поэтому без частной собственности нет торговли – не формальной, а заинтересованной. А без торговли в обществе нет соизмерения и оптимизации производств – максимальной продуктивности при минимальных затратах.

Торговля и деньги служат средством *взаимного* учёта и контроля необходимых пропорций обмена, производства и потребления не только отдельного человека, но и самой общественной системы в целом: сколько чего должно идти в каждую отрасль и в каждое отдельное предприятие и сколько из них.

А сегодня большая часть производимого предназначена вовсе не для личного потребления, а для *производственного* же: сырьё, материалы, комплектующие, станки, аппараты и т.д., и их доля не только не сокращается, но растёт. Поэтому в производственной сфере никакое изобилие и никакое эффективное бесконтрольное потребление невозможны.

А в потреблении *личном*?

Достижимо ли изобилие, способное удовлетворить *все* потребности и всех людей? Уж на что богаты западные супермаркеты – километровые залы, сотни сортов сыра, конфет, напитков, фруктов, всевозможные наряды и т.д., но ведь бесплатно не раздают. Где предел человеческой фантазии в изобретении всё новых потребностей и новых благ?

В рыночном обществе действуют мощные *стимулы* к усердию: страх разорения и жажда прибыли у хозяина и страх безработицы и же-

ление большей оплаты у зарплата.

А где иные стимулы?

Да, рынок и частная собственность рожают алчность, зависть, вражду – и обществу это зло приходится обуздывать. Идеализировать рынок невозможно. Но они же учат и производственному рачению и эффективности, техническому прогрессу, инициативе, верности слову и праву.

А без платы кто будет добровольно выполнять труд, необходимый обществу, но тяжёлый и грязный? Почему люди не будут отлынивать от него, если за него не положено вознаграждения? А какое может быть бесплатное потребление без бесплатного труда? Без него какое угодно изобилие быстро иссякнет.

Это обращение личного и общественного интереса можно сформулировать как капиталистический парадокс: эгоистическая корысть ведёт к альтруизму, общественному благу, – и противоположный социалистический парадокс: упование на альтруизм оборачивается хозяйственным упадком, бедностью и тиранией.

Отчуждение

И всё же такие наивности маргинально-патернальных мечтаний вовсе не означают их полной утопичности. В своём *критическом* содержании коммунизм отражает реальные страдания людей – и они заставят его осуществить. Хотя, понятно, не так, не тем путём, как грезится ретроgrадам.

Человечеству просто необходимо очиститься от зла безработицы, заброшенности несчастных, наркомании, преступности, обмана, насилия, бюрократизма. И в первую очередь – от самой повседневной драмы человеческого существования в современном обществе – **отчуждения труда** наёмных работников, необходимого им и потому господствующего над ними, но проданного, на предприятии или в конторе, где всё *чужое*: и машины, и результаты, в коллективе, где все не принимают решения, но подчинены одному, поэтому **безразличны к целям** труда, потому **для них бесцельного**, а оттого – униженного и тягостного.

И так весь день и всю жизнь.

Здесь – в отчуждении таится подлинная причина невыносимой скуки существования отчуждённого человека и его тщетных усилий спастись от неё с помощью самоцельного потребительства, пассивных развлечений, мистических грёз, пьянства, наркотиков и, наконец, – самоубийств.

Как преодолеть это проклятье?

Лишь коммунистическое *бесплатное потребление* и *бесплатный добровольный труд* перемещает **цель** работающих с оплаты и наказания на сам труд и тем самым преодолевает его отчуждение, заменяет его тягость и униженность радостью творчества и общественного самоутверждения.

Ведь причина тяжести и грязи труда – не природная, а социальная – в его отчуждении. Сколько нагрузок и пачканья в работе геолога, хирурга или матери, ухаживающей за младенцем; но разве их труд считают грязным? Нет, если он доброволен и вдохновлен благом людей. Даже, наоборот, во вдохновенном труде, чем больше трудностей, тем больше чести и радости в их преодолении. Но тот же труд, если он делается по принуждению или за унижительно низкую плату, становится тягостным. Самое высоко воспетое – любовь, если она отчуждена насильем или платой, превращается в отвратительное изнасилование или в проституцию.

Но как добиться этой бесплатности потребления и труда?

Социалисты и коммунисты предлагают: посредством *общественной собственности* на средства производства.

Однако что это такое? Если собственность государственная, то реально она оказывается *чиновничьей* и **не** даёт никакого преодоления отчуждения, сохраняя такой же гнёт, да вдобавок лишена заинтересованности и ведет к воровству и бесхозяйственности.

Собственность коллективная? Какая именно?

Коллективные кооперативные предприятия?

В них отчуждение преодолевается и устанавливается демократическое самоуправление, давая экономию на администрации и рост производительности. Но "закрытость" коллектива от продажи акций посторонним и предпочтение тратить доход себе на зарплату, но не на модернизацию производства обрекает их на технологическое отставание и банкротство.

Акционерная? Но она та же капиталистическая, где командуют наиболее крупные акционеры - *мажоритарии*, а прочие отчуждены.

К тому же **МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЕ** корпорации, в особенности технологически обусловленные, "естественные" (Не строить же ради конкуренции параллельный водопровод?), или близкие к ним (нефтеперегонные, машиностроительные и т. п. крупные заводы), сговоры между ними, "тайные или "молчаливые", о ценах и рынках (картели), подавляют рыночную конкуренцию, а тем самым и технологический прогресс, в десятки раз завышают цены на свою продукцию, разжигают гонку без-

мерного потребительства и вооружений, программируя *короткие сроки* годности изделий: одежды, машин, запчастей и т.д.: вместо возможных десятилетий – от силы три - пять лет, после которых они запланированы портиться, чтобы вынуждать людей покупать новые, заваливая планету свалками мусора и истощая её ресурсы.

Бороться с монополиями трудно: у них миллиарды, подкуп бюрократии, политиков и бандитов, хотя можно. И главное оружие, которого они боятся, – демократия, широкие объединения трудящихся: сараи, малых и средних предпринимателей – в консументные и другие антимонопольные движения. Уязвимая слабость корпораций – в инструменте их силы, в *акциях*: угрозы их массовой продажи, обесценки и скупки соперниками, или судебное установление для них цен, разделение на конкурирующие компании или национализация.

Получается, разрешение коллизий современного общества – не здесь.

Либеральный коммунизм

На самом деле, освобождение несет не отмена частной собственности, а, наоборот, **общедоступность** капитала всякому изобретателю – претенденту в предприниматели, способному организовать производство общественно востребованного – необходимого товара или услуги. Целевой и контролируемый контокоррентный *кредит* под обоснованный бизнес-план открывает им возможность быстрого развёртывания нового производства и обогащения. Тем самым общественная полезность дела снижает ценность унаследованного богатства в качестве условия исключительно повышенного благосостояния.

Уже сегодняшний уровень производства в наиболее развитых странах позволяет **гарантировать** своим гражданам минимум необходимого в пище, одежде, жилище и прочих недефицитных благах – **достаток**, пусть для каждого человека индивидуальный.

Хотя, конечно, **не** удовлетворение прихотей и потребностей престижных – "приличных" для поддержания высокого социального статуса, тем более – не в роскоши – хвастовстве обладания дефицитом. Но общедоступность достатка лишает престижности многие из благ, пока остающихся статусными.

Уже много десятилетий товарное изобилие на Западе так давит на сбыт, что вынуждает к продаже жилищ, автомобилей, электротехники и других дорогих товаров в кредит с рассрочкой. Ныне две трети населения развитых стран, "средний класс" имеет такой же доступ к образованию, коммунальным удобствам, телевидению, автомобилям, загранич-

ным путешествиям, отелям, что и самые богатые, разве что без люксов, позолоты и прочих аксессуаров роскоши.

Гарантия достатка всем и каждому ныне сама собой вырастает из социального страхования – бесплатной школы и пособий по болезни, безработице и старости с защитой в профсоюзе и суде; ему недостаёт лишь одного – тоже **общедоступности**.

Но от скольких нынешних унижений и мучений избавит она безработных, так же как мало- или устарело квалифицированных, на чей труд спрос стал так редок, а оплата так низка, что просто отбивает у них к нему охоту.

Без дополнительных общественных расходов гарантированный достаток создаёт им условия для учёбы и переучивания к другой, общественно ценной деятельности. И принесёт разрядку социального напряжения и снижение преступности.

Таким образом свободное потребление освобождает также и труд от страха потери оплаты и прибыли; экономическое принуждение к труду сменяется статусным, ибо различие благосостояний остаются лишь для дефицитных престижных благ, в части сверх гарантированного минимума, сохраняющих зависимость от личных заслуг и капитала.

Современные профессии и электронные технологии создают новых работников, высокой культуры и творчества, самоуверенных и независимых, заставляя фирмы освобождать их от административной регламентации и рутины, вводя для них индивидуальные "скользящие графики" присутствия, самоуправление, коллективное принятие решений, то есть по существу коммунистическое освобождение труда.

В творческом обществе увязка потребления с трудом уже не только не стимул, но становится тормозом развития производства. В науке, искусстве, инженерии творческие люди всегда отдавали предпочтение любимому делу, пусть менее доходному, зато более интересному и свободному. Ныне такой настрой распространяется вширь по всему производству. Уже сегодня в развитых странах большинство опрошенных высказывают желание работать, даже если они будут материально обеспечены.

Обезлюдение автоматизированных производств, а, с другой стороны, необходимость для них работников духовно развитых и лучше отдохнувших, просто принуждает общество к сокращению рабочего времени и к увеличению досуга для занятия спортом, искусством, серьёзным чтением и для развлечения, дружбы, любви, путешествий. В общественных ценностях всё явственней творчество и спокойствие возвышаются над богатством.

Но ныне созревают условия для освобождения не только потребления и труда; оно тянет за собой преобразование всего общества: быта, государства, семьи, морали.

Новые компьютерные, лазерно-плазменные и нано- технологии делают выгодным замену огромных заводов мелкими и средними предприятиями и даже надомным трудом (freelance) инженеров, учёных, программистов, дизайнеров, издателей, биржевых маклеров, банковских работников и т.д., и создают возможность переселения их из мегаполисов в сельскую зелень и тишину, однако в соединении с городской инфраструктурой и удобствами. Чем не пророческое стирание пропасти между городом и деревней?

Скрепой **власти** всегда служила *материальная зависимость* подчинённых от благодателя; лишь она заставляет их исполнять приказы, даже когда они не одобряемы.

Свободное обеспечение каждого необходимым достатком обрывает эту питательную пуповину подчинения – и власть рассыпается. При этом – всюду, не только в государственном аппарате, но и на производстве, науке, искусстве, школе, семье, сменяясь подчинением **добровольным**, ради организации совместного дела, – общественным **самоуправлением** с исполнением решений по согласию с ними, из собственной потребности в них. Устанавливается высшая форма демократии, коммунистическая.

Без государства становится ненужной официальная регистрация любви, семьи и детей – брак. К чему? Когда достаток семьи и детей в *любом* случае обеспечен, а *государственного* вмешательства и принуждения *нет*? Складывающаяся ситуация уже сегодня склоняет до половины молодых семей пренебрегать своей официальной регистрацией.

Коммунизм обесмысливает основные моральные пороки. К чему жестокость, обманы и подлости? воровство и мошенничество? подхалимство и чванство? если нет материальной нужды, подчиняющей зависимости и ослаблена страсть к роскоши?

А вслед за распадом государственного принуждения становятся невозможными и бессмысленными *завоевания* и *угнетения*. Каким облегчением для человечества будет этот отказ от армий, гонки вооружений, военных разрух и страданий.

Трагическая история и крах коммунистических режимов хоронит идеи диктаторского коммунизма. Но развитие современного общества открывает в нём новый **свободный коммунизм**.

Путь к коммунизму лежит не через привилегированные партии, насилие, *бюрократическую диктатуру* и "строительство", а через сво-

боду личности и демократию, не через "экспроприацию" частной собственности, лишь обращаемой в чиновничью, а через проникновение в неё самих работников, их деловой успех, не через отрицание товарно-денежных отношений, а через их демократическое регулирование.

И коммунистический уклад *уже существует* и развивается внутри рыночной системы, возникая спонтанно, из её внутренней **необходимости**.

Ныне товарная перенасыщенность обрекает экономически развитые страны на перманентный экономический застой и спорадические спады с бедствиями массовой безработицы. Где спасение от них? Единственное избавление нынешнего общества от его внутренних тупиков и напряженных раздоров – в переходе к бесплатному личному обеспечению и к социальным программам развития науки и технологии, то есть в утверждении либерального коммунизма – взамен диктаторского. Другого выхода никому не видно.

Технологический прогресс, сопровождаемый нескончаемыми *кризисами* перепроизводства, с их невозможностью продажи произведённого и массовой безработицей, просто **принуждает** общество к коммунистической (социальной) **бесплатности** всё большей части потребления, труда и инновационного кредита. Иначе кризисы не одолимы.

Нецеситное (необходимое) направление денежных потоков² позволяет их смягчить, а в перспективе и устранить.

Хотя, увы, как водится, и коммунистическое превращение общества не может обойтись без коллизий – и для его ускорения и облегчения необходимы его теоретическое понимание и партийное движение **либерал-коммунизма**, как ни абсурдно звучит такое словосочетание сегодня³.

Да здравствует единство свободы и коммунизма!

Да светятся его захватывающе прекрасные горизонты!

Подите прочь, самозванные благодетели человечества с пулемётами и бомбами в руках! Займитесь лучше собой.

Творцам мира есть что терять, и мы сами создаём своё счастье и свободу.

² См.: **Леонард И. Браев**. Цены и деньги. **Начала нецеситной квантовой экономики**. Изд. "Диалог", 2010, главы 3.8., 5.5.6.

³ Подробнее см. в книге: **Ибраев Л.И.** Необходимость и свобода. **Начала нецеситной социологии**. Изд. "Стезя", 1993 - 559 с.; "Салика", 2013, изд. 2-е, - 652 с. ISBN 978-5-906541-01-7